

«ростру». Такое понимание дела все же сохраняет за словом струги обычный смысл ладьи и идет навстречу летописному тексту, в котором войско спасается в брод за неимением лодок, разбросанных по кустам. Мне кажется, однако, что можно еще ближе подойти к правильному пониманию этого места, если принять в соображение, что слова «на кусту» двоятся в своем значении. Уже Тихонравов понимал дело так, что Стугна наводнившись расширилась к устью, и, повидимому, он был прав, когда слово «кусту» понимал как «расширилась к устью». Немногого недостает, чтобы сделать более ясным всю фразу. Приняв в соображение, что буквы Н и П чрезвычайно близки по своему написанию в палеографии XVI века, можно предположить, что чтецы рукописи Слова ошиблись только в правильном чтении одной буквы и фраза «струги ростре на кусту» может быть прочтена более легко как «струги рострепа к усту» (т. е. к устью). Таким образом Стугна, пожравши чужие ручьи, т. е. наводнившись, растрепала ладьи к устью и лишила русское войско возможности иметь средства для перевозки, вследствие чего оно бежало в брод. Такое чтение темной фразы лишено, во-первых, сложных предположений, насилующих текст, а во-вторых, устанавливает внутреннюю логическую связь между Словом и летописью, поясняя почему князь и войско шли в брод. Конечно, надо сказать, что такое чтение этой темной фразы пока еще должно считаться в достаточной мере проблематичным, во-первых, потому, что до сих пор в литературных памятниках не встречено слово «растрепати», но оно так просто и так родственно другим, нигде еще не встреченным, кроме Слова, глаголам «притрепати» или «потрепати», что становится в один ряд глаголов, встречаемых только пока в Слове о п. И.

Я сказал, что не могу объяснить всего эпизода, но должен указать, что слова, заканчивающие собою описание всего события, именно: «затвори Днѣпръ темнѣ березѣ» не могут быть, повидимому, разделены на две части, и что Пушкинская и Екатерининская копии верно соединяют слова «затвори Днѣпръ» со словами «темнѣ березѣ». Дело в том, что тело князя Ростислава было найдено в Стугне и привезено в Киев, где и было оплакано матерью его, как сказано в летописи: «Ростислава же искавше и обрѣтоша и в рѣцѣ и взявше и принесоша и Къеву. И плакася по нѣмъ мати его і вси людие». . . Таким образом, картина оплакивания матерью сына у темного берега представляет в Слове противоречие с летописным рассказом. Этого противоречия не было бы в том случае, если бы тело Ростислава было доставлено в Киев Днепром. Здесь, на берегу у Днепра могла встретить тело сына мать и оплакать его.